

БОГАТЫРЬ И НЕВЕСТА (СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДЦЕ С РЕКИ СЫНЯ)

Важнейшей составляющей духовной культуры древних жителей Урала и севера Западной Сибири является религиозное мировоззрение. Письменные источники фрагментарно фиксируют обряды лишь с начала XVIII в. (Г. Новицкий). Немногочисленные изделия бронзолитейного производства – фигурки воинов, мифических существ, животных, бляхи с изображениями различных сюжетов, выполненные в I – начале II тыс. н.э., позволяют предполагать, что уже в то далекое время у народов, проживавших по обеим сторонам Урала, существовала во многом единая система религиозных представлений и обрядов [Оборин, Чагин, 1988; Зыков и др., 1994; Сокровища Приобья, 1996; и др.]. Сложившиеся иконографические образы божеств и духов-покровителей воспроизводились уральскими жрецами на привезенных с Востока серебряных блюдах, бронзовых дисках и др. [Лещенко, 1976]. Образцов подобного творчества – единицы. Все они, без сомнения, относятся к уникальным памятникам древнего сибирского искусства.

Данная статья посвящена замечательному (даже среди упомянутых выше изделий) образцу урало-западносибирского искусства, отражающему мифологические представления местного населения в эпоху средневековья. Публикуемое серебряное блюдо – пример самостоятельного создания иконографического сюжета на металлической основе путем комбинации чеканных и гравированных узоров (см. *рисунк*).

Блюдо было обнаружено летом 2000 г. в одном из поселков, расположенных в верховьях р. Сыня (левый приток Оби). Дом, в котором раньше жил местный шаман (о чем говорят детали найденного здесь бубна), оказался сильно разрушенным: крыша под тяжестью снега провалилась внутрь, сломав находив-

шуюся раньше в углу комнаты “священную” полку; стоявший на ней сундук с культовой атрибутикой завалился на бок, крышка его слетела и потому большая часть хранившихся в нем матерчатых и меховых прикладов с течением времени сгнила. Из-под досок крыши и земли удалось извлечь только фигуру *Курпат-ики* (божество подземного мира) в черных халатах, несколько речных раковин, завернутых в платки, а также фрагмент жертвенного покрывала, некогда украшенного фигурами скачущего всадника. Здесь же выпуклой стороной вниз лежало серебряное блюдо.

Изделие выполнено из серебряного слитка, который расковали, а затем из пластины ножницами вырезали круг. Диаметр блюда 12,7 см, высота 0,5 см. Лицевая сторона выпуклая. По окружности блюда на расстоянии 8 мм от края прочеканена полоска из 98 “жемчужин”. Для ее нанесения на оборотной стороне изделия предварительно была прочерчена двойная линия.

На лицевой стороне блюда выгравированы две антропоморфные фигуры, изображения коня, солнца, месяца и бобра. О фигуре бобра речь пойдет ниже, т.к. она была выполнена значительно позже, чем другие рисунки. Возможно, тогда же в верхней части блюда было пробито грубое отверстие и в него вставлена бронзовая петля для подвешивания, которая удерживалась заклепкой (сохранился лишь фрагмент петли).

Основные фигуры иконографической композиции нанесены в два этапа: сначала тонким режущим инструментом были выполнены линейные контуры, затем поверх этой линии прошлились резцом-“елочкой”. Сначала было выгравировано изображение коня, поверх него – антропоморфные фигуры.

а

б

Серебряное блюдо с р. Сыня.
а – фотография (предмет в натуральную величину), б – прорисовка.

Изображения солнца, месяца, детали фигур мужчин и женщины (глаза, рот, волосы, “линия жизни”, “корона”, воротники, “карманы”, кант платья), а также коня (“ошейник”, глаза, рот, уши) покрыты позолотой. Мастер, занимавшийся этим, по-видимому, владел искусством составления золотой амальгамы из сплава золота с ртутью и нанесения ее на серебряную основу.

Антропоморфы показаны в одинаковой одежде – в длинном платье, перехваченном выше колен широкой лентой, ниже которой видна только спинка. Вниз от ворота идет широкая полоса, оканчивающаяся фигурой в виде перевернутого конуса. Полоса символизировала, скорее всего, “линию жизни” – атрибут мифических фигур в искусстве коренных народов Урала и севера Западной Сибири.

На платье левого антропоморфа ниже “линии жизни” изображены два усеченных овала. Возможно, это карманы или женская грудь, тем более что до XIX – XX вв. у северных хантов сохранялась традиция обозначать грудь на деревянных женских фигурках духов-покровителей [Иванов, 1970, с. 31].

Лица показаны широкие, почти круглые; выделены крупные круглые глаза, овальные рты и прямые носы. Левый антропоморф запечатлен с двумя свисающими косами. Голова правого антропоморфа увенчана трехрогой короной. Левые руки (с отогнутыми большими пальцами) обоих персонажей подняты вверх, правые руки, согнутые в локте, опущены к бедру. Возможно, художник стремился подчеркнуть, что герои сидят на коне: руки показаны по обеим сторонам туловища, ступни ориентированы вправо (по направлению движения животного), ноги спереди открыты. Конь массивный, приземистый, без гривы. Над его головой в виде круга изображено солнце, над крупом в виде полукруга – месяц. Солнце и луну местное население Урала и Прикамья вырезало на восточных серебряных блюдах. По форме рисунки на анализируемом блюде и на блюде из Березова (В.Ю. Лещенко относит их к VII – VIII вв. [1976, с. 179, 186, рис. 34]) сходны.

Поскольку мы имеем дело с передачей изображений мифических фигур, трудно предполагать, что их одежда соответствовала в точности реальным образцам, бытовавшим в эпоху изготовления блюда. Тем не менее следует отметить, что она в значительной степени напоминает платье с воланом на подоле, застежкой спереди и планкой вдоль нагрудного разреза. Такая одежда была характерна для нижнесосьвинских и обских манси, северных хантов до XIX – XX вв. Украшением платья являлись узкие полосы, которые нашивали к подолу выше колен, а также на планку застежки, и др. [Фёдорова, 1994, с. 161 – 163]. “Открывая” ноги персонажей, художник, как уже говорилось, хотел подчеркнуть положение героев – сидя на коне:

волан приподнят и отброшен назад. Можно предполагать также, что герои показаны в платьях с удлинённой задней спинкой. Подобные (ритуальные) одежды бытовали в разные эпохи у ряда сибирских народов. Так скроена, например, шуба скифского воина из кург. № 3 могильника Верх-Кальджин II [Полосьмак, Молодин, 2000, с. 78, рис. 36] или костюмы кетских и селькупских шаманов [Прокофьева, 1971, с. 18 – 19, 22].

С чем можно сравнить публикуемое блюдо? К близким аналогам можно отнести буквально единицы опубликованных находок. Среди них прежде всего следует назвать выпуклую серебряную бляху с петелькой для подвешивания, на которой изображены мужская и две женские или детские фигуры. К совпадающим деталям можно отнести стилистику изображений и такую особенность, как отогнутые большие пальцы рук. Согласно А. Хейкелю, бляха была найдена на месте “древней крепости” на р. Сосьве [Heikel, 1894, Pl. XX, 1]. Судя по масштабу данного рисунка, диаметр изделия составлял 17 см. А.А. Спицын дает иную информацию: бляха обнаружена на городище близ Обдорска, ее диаметр 7 см. По его мнению, бляху нельзя отнести к местным (районы Оби, Печоры или Камы) изделиям [Спицын, 1906, с. 32, рис. 53]. С этим утверждением сегодня (имея гораздо больше похожих находок) трудно согласиться; размеры же бляхи, указанные А. Хейкелем, кажутся более соответствующими истине. Кроме этого, можно упомянуть найденные в кургане около Тюмени бляхи с приклепанными петельками, гравировкой и украшенными прочеканенными круглыми шишечками краями. На одной из блях изображены две антропоморфные фигуры, “линия жизни” начинается у них изо рта [Чернецов, 1957, с. 243]. К сожалению, в публикации В.Н. Чернецова не указаны материал и масштаб данных изделий. На обломке бляхи X – XIII вв. выгравирована голова коня [Финно-угры и балты..., 1987, табл. LXXI, 44].

Обратимся к иконографическому сюжету нашего блюда. Скорее всего, здесь речь идет об иллюстрации к древнему обско-угорскому мифу о сотворении земли, повествующему, в частности, о путешествиях *Мир-сусне-хума* (*Мир савите хо*), “За миром наблюдающего человека”, культурного героя обских угров, младшего сына Верховного бога *Нуми-Торума*. Чаще всего он предстает всадником на белом коне, объезжающим мир на высоте облаков, день и ночь (на блюде их символизируют солнце и месяц) озирающим землю, покровительствующим людскому благополучию и особенно семье. Во время странствий он женится на дочерях ведьмы, водяного царя, Южной женщины, Месяца-старика, Солнца-старухи [Мифы..., 1990, с. 258 – 290] и пр.:

На семь концов земли сватать косатых девиц
за хороший выкуп он ходил.

После его походов во многие страны
на священной, опущенной Богом земле
Едва осталась площадь суши
и воды (им неизведанная).
С семи концов земли он взял в жены семь девиц
[Патканов, 1891, с. 11].

Видимо, сцена возвращения *Мир-сусне-хума* с невестой домой и представлена на блюдец.

Золотая корона на голове соответствовала одному из имен культурного героя – Золотой царь или Золотой богатырь. Следует заметить, что духом-покровителем поселка, где было обнаружено блюдо, является *Сорни пох* (*Мув верты хо*), “Золотой сынок” (“Землю объезжающий человек”). В представлениях хантов и манси *Мир-сусне-хум* был призван обеспечивать прочность, стабильность дома и семьи, и эта его функция являлась особенно значимой. Отсюда вытекала потребность людей иметь его изображение в каждом жилище. Чаще всего ее реализовывали, изготавливая священные покрывала с фигурами Небесного всадника (эта традиция зафиксирована мною и у сыньских хантов).

Учитывая способы передачи изображения мифологических образов – трехрогую корону, женскую прическу с косами, “линию жизни”, а также общую стилистику антропо- и зооморфных существ, блюдо можно отнести к X – XII вв. – времени расцвета произведений уральской и приобской пластики. Местом изготовления, думается, можно считать южные районы Западного Урала, места проживания предков современных манси, районы, приближенные к Волжской Булгарии, славящиеся замечательными традициями ювелирного ремесла. Безусловно, трудно совместить примитивную каноничность изображений и владение художником навыками сложных ювелирных технологий (золочения). Возможно, блюдо было изготовлено угорским мастером, получившим навыки ремесла в одном из городов Волжской Булгарии и реализовавшим их в рамках уральских мифологических традиций. Спустя время, уже на Урале блюдо попало в руки другого художника, который дополнил основную композицию изящной фигурой бобра. Изображение животного, известного своей плодовитостью, как нельзя лучше выражало понимание мастером идеи, задуманной предшественником. Молодым (*Мир-сусне-хуму* и невесте) он мог пожелать как можно больше детей. Лучшего образа, чем бобр, было трудно придумать.

Ханты и манси (в верховьях Сыни живут представители обоих народов) использовали блюдо во время ритуальных церемоний: его подвешивали за петельку в “святом” углу дома или на местном святилище и обращались к изображенному на нем Сыну Бога, прося у него благополучия жителям поселка, здоровья детям, удачного промысла охотникам, покровительства каждой новой семье.

Публикация блюда является хорошим поводом вернуться к вопросу об истоках изобразительного сюжета, который до сих пор частично воспроизводится на жертвенных покрывалах обских угров (их лицевая сторона украшена фигурами скачущего всадника). Один из них связан с изготовленными в Волжской Булгарии в XII – XIII вв. серебряными бляхами с изображением сокольника в окружении зверей и птиц [Лещенко, 1976, с. 117 – 126; Бауло, 1999]. Кроме них известен фрагмент иранской шелковой парчи XII в. с повторяющимся рисунком – два стоящих лицом друг к другу сокольников разделены Деревом Жизни (Selikowitz Collection, New York) [Archaeology, 1962, p. 53]. Следует признать, что южные (иранские и болгарские) изобразительные сюжеты оказываются не единственными, повлиявшими на формирование иконографического облика Небесного всадника на жертвенной атрибутике хантов и манси. Сюжет, представленный на блюде, свидетельствует о сложении к рубежу I – II тыс. собственно угорского облика *Мир-сусне-хума*, который до наших дней продолжает воспроизводиться на священных покрывалах. Изображение Сына Бога, везущего невесту, встречалось на культовой атрибутике северных манси [Гемуев, 1990, с. 36].

И последнее. Иконографический сюжет блюда расшифровывается на основе хантыйских и мансийских мифологических текстов, записанных в середине XIX в. и во многом сохранившихся до нашего времени. То, что с помощью этих мифов мы с уверенностью можем “прочитать текст” средневекового сюжета, позволяет говорить об устойчивости мифологических представлений обских угров на протяжении всего II тыс.

Список литературы

- Бауло А.В. К вопросу о влиянии древних культур Востока на религиозно-мифологические представления обских угров // Народы Российского Севера и Сибири: Сибирский этнографический сборник. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1999. – Вып. 9. – С. 300 – 315.
- Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Фёдорова Н.В. Угорское наследие: (Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета). – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.
- Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первая половина XX в. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.
- Лещенко В.Ю. Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.П. Художественный металл Востока. – М., Л.: Наука, 1976. – С. 176 – 188.
- Лещенко В.Ю. Прикладное искусство и мифология в эпоху разложения патриархально-родового строя (булгарский художественный металл в культе финно-угров) //

Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. – Л.: Наука, 1981. – С. 105 – 126.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М.: Наука, 1990. – 568 с.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. – 184 с.

Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. – СПб.: Б.и., 1891. – 75 с.

Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Памятники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 66 – 82.

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. МАЭ. – 1971. – Т. 27. – С. 5 – 100.

Сокровища Приобья. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – 228 с.

Спицын А.А. Шаманские изображения // Зап. отд-ния рус. и славян. археологии Имп. Рус. археол. об-ва. – 1906. – Т. 8, вып. 1. – С. 29 – 145.

Фёдорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. – СПб.: МАЭ, 1994. – 286 с.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – 510 с.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. – 1957. – № 58. – С. 136 – 246.

Archaeology. – 1962. – Vol. 15; N 1 (Spring).

Heikel A. Antiquités de la Sibérie Occidentale. – Helsingfors: Imprimerie de la Société de littérature Finnoise, 1894. – 112 p.

Материал поступил в редколлегию 29.01.2001 г.